

Научная статья
УДК 316.346.3
doi: 10.17223/15617793/475/12

Пространственный взгляд на детство: о географии детства, субъектности ребенка и трендах социологической науки

Александра Геннадьевна Филипова^{1, 2}, Леонас Толвайшис^{3, 4}, Наталья Эдуардовна Ракитина⁵

¹ Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

² Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток, Россия

³ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

⁴ Частный университет «Унион – Никола Тесла», Белград, Сербия

⁵ Комсомольский-на-Амуре государственный университет, Комсомольск-на-Амуре, Россия

^{1, 2} alexandra.filipova77@gmail.com

^{3, 4} ltolvaishis@urfu.ru

⁵ rakitina.nat@gmail.com

Аннотация. Представлен обзор зарубежных исследований в области географии детства. Обозначены основные исследовательские направления, выстраивающиеся вокруг темы детской субъектности. Делается вывод о сложности и многоаспектности взаимодействия детей и пространств, разном влиянии на субъектность ребенка институциональных и неинституциональных городских мест или «мест для детей» и «детских мест».

Ключевые слова: география детства, социальные исследования детства, пространства, дети, субъектность ребенка

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-111-50221.

Для цитирования: Филипова А.Г., Толвайшис Л., Ракитина Н.Э. Пространственный взгляд на детство: о географии детства, субъектности ребенка и трендах социологической науки // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 93–99. doi: 10.17223/15617793/475/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/12

A spatial perspective on childhood: Children's geography, child's agency and trends in social sciences

Alexandra G. Filipova^{1, 2}, Leonas Tolvaišis^{3, 4}, Natalia E. Rakitina⁵

¹ Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

² Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russian Federation

³ Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

⁴ Union Nikola Tesla University, Belgrade, Serbia

⁵ Komsomolsk-na-Amure State University, Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation

^{1, 2} alexandra.filipova77@gmail.com

^{3, 4} ltolvaishis@urfu.ru

⁵ rakitina.nat@gmail.com

Abstract. The article presents a review of international research in the field of children's geography, a research direction situated at the junction of geography and social studies of childhood. It reviews three stages of the development of children's geography, identifies important events, research centres and researchers (1970s, 1990s and 2000s). The review of key works is focused on the objectives of each stage. In the 1970s, the child is discovered in developmental psychology and environmental psychology; in the 1990s, children's geography is established as a subdiscipline; in the 2000s, children's geography undergoes further institutionalisation, and new directions of interdisciplinary research develop. The review is built upon the publications of the *Children's Geographies* journal from the period between 2016 and 2020 (a total of 33 issues) and 38 articles selected from the Web of Science database by means of a search query by the key phrase "children AND geography". The study concludes by identifying the following analytical categories: different types of childhood spaces (virtual and real, basic and intermediate) and their technical and emotional characteristics; child's agency and its relationship to children's rights, socialisation and participatory research methods. The article outlines the main research trends in overcoming interdisciplinary boundaries and expanding the subject field of children's geography. The conclusion emphasises the complexity and multidimensionality of the interaction of children and spaces, the influence on spatial relations and spatial behaviour of accompanying factors: family, individual characteristics of the child, infrastructure and sociocultural characteristics of the place of

residence. The modern children's geography develops in two directions: "in breadth", i.e. in the direction of interdisciplinarity and intercontinentalism, and "in depth", or in the direction of children's everyday life, the daily experience of interaction between children and spaces. The main challenges children's geography faces are related to the appeal to "absent" (invisible) children and young people; studies of differences and social and cultural relationships between this socio-demographic community and the adult world; and studies of everyday spatiality, emotions and affects of children.

Keywords: children's geography, social studies of childhood, spaces, children, child's agency

Financial Support: The research was supported by Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-111-50221.

For citation: Filipova, A.G., Tolvaišis, L. & Rakitina, N.E. (2022) A spatial perspective on childhood: Children's geography, child's agency and trends in social sciences. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 93–99. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/12

География детства представляет собой междисциплинарную отрасль науки, находящуюся на пересечении гуманитарной географии и социальных исследований детства. Объектами исследований географии детства выступают пространства и места, значимые для жизненного опыта ребенка и становления его субъектности. В зарубежных социогеографических исследованиях детей и детства принято различать места, создаваемые для детей взрослыми, и детские места, создаваемые самими детьми [1]. «Места для детей» – это места, преимущественно контролируемые родителями и другими взрослыми. Для развития детской субъектности важное значение имеют «детские места» – места, созданные или переустроенные самими детьми.

Дети – самобытная группа, опыт которой отличается от опыта прочих социальных групп и требует отдельного изучения. Жизненный опыт детей, их взгляды и возможности социально и пространственно структурированы. География детства изучает, какую роль дети играют в обществе, помимо приспособления к миру, ориентированному на взрослых. В основу географии детства положены предпосылки общности определяемого биологическим возрастом жизненного опыта детей относительно пространств и передвижений.

Концептуальная граница между детством и взрослой жизнью в исследованиях географии детства пролегает не столько по возрастным рубежам, сколько по критериям перехода к качественно иным жизненным пространствам: вступлению на рынок труда, прекращению учёбы, оставлению родительского дома, становлению тех или иных форм идентичности, маргинальной жизни или, напротив, гражданскому участию и т.п. Все перечисленные сферы являются перспективными направлениями исследований географии детства и напрямую связаны с субъектностью ребенка.

Концепция географии детства в своём развитии прошла три фазы [2]. Первые концептуальные идеи зародились в начале 1970-х гг. в рамках американской географической науки под влиянием психологии развития и психологии среды, где интерес уделялся разнобразию мест и сред детского опыта [3]. В 1970–1980-е гг. внимание исследователей обращается к осознанию ребёнком места, географическим знаниям, способностям к ориентированию в пространстве и способам взросления детей. В 1975 г. Вильям Бандж опубликовал результаты исследования притеснения детей в сфере использования пространств в Детройте

и Торонто [4]. Бандж предложил включить детей в географические исследования, определив их как «крупнейшее меньшинство» [5]. Параллельно изучались ранние детские навыки картирования [6], что послужило началом исследований пространственного познания у детей [7].

Предметом исследований географии детства становились детские способности картирования, однако дискуссии относительно критической оценки способов социального и пространственного конструирования жизней, опыта, взглядов и возможностей детей начались на следующем этапе, когда распространение получили идеи социально конструируемых пространств и пространственно конструируемых социальных сфер.

Становление географии детства в качестве признанной научной субдисциплины восходит к 1990-м гг., ознаменовавшим, таким образом, вторую фазу её развития. В опубликованной в 1990 г. Королевским географическим обществом статье Сара Джеймс обращает внимание на исключенность детей из географической науки. Исследовательница выделила три области исследований, в которых дети демонстрируют отличия от взрослых: социально-пространственные отношения (использование пространства), пространственное поведение и познание окружающей среды (интерпретация пространства) [8].

На данном этапе распространение получают феминистский и марксистский подходы географов к идентичности молодых людей и различным способам их познания. Исследуются роль физической среды в процессах социального и культурного воспроизводства, а также взаимосвязь пространства, места и власти в контексте влияния процессов глобальной экономической реструктуризации на местный опыт детей, равно как и потенциального влияния траекторий жизни молодых людей на глобальные процессы [9]. Таким образом, преодолеваются ограничения сугубо психологического взгляда на детей, допускавшего рассмотрение ребёнка в качестве производной от действий родителей и оставлявшего без должного внимания воздействие внешней среды [10].

Последующий выход географии детства на мировую научную арену был обусловлен подписанием Конвенции о правах ребёнка ООН (1989 г.) и становлением новой социологии детства, в рамках которой дети уже не рассматривались только лишь с точки зрения «становления взрослыми» [11, 12]. За детьми

признаются полноценная онтология, права и привилегии [13].

В третьей фазе развития географии детства, приходящейся на два десятилетия XXI в., рассматриваются проблемы политической идентичности, знаний о молодых людях и их географиях, способов создания и воссоздания молодыми людьми пространств и себя самих. Было положено начало многим междисциплинарным направлениям исследований: от ландшафтов ухода за младенцами до детского труда, миграции, мобильности, образования, молодёжной активности. Исследуются способы вовлечения голоса и субъектности ребёнка в процесс принятия решений, альтернативные образовательные программы как фактор повышения гражданского участия.

Для выявления специфики пространственного осмысления детства, определения способов исследования взаимодействия детства и пространства нами были изучены публикации журнала *Children's Geographies* (за последние 5 лет, всего 33 выпуска). Также для анализа привлекались другие ключевые зарубежные научные публикации по данной тематике, полученные в результате поискового запроса в Web of Science по словосочетанию «children AND geography». Дата поиска – 15 апреля 2020 г. Всего было получено 258 публикаций, в том числе 228 – на английском языке. Для изучения были взяты публикации, относящиеся к предметным областям «социология» (28 статей), «городские исследования» (8 статей), «региональные исследования» (2 статьи).

Пространства, представленные на страницах журнала «*Children's Geographies*», отличаются исключительным разнообразием и варьируются от физических (дома, детские площадки, парки, школы и т.п.) до психологических, гипотетических, воображаемых, виртуальных пространств. В исследованиях географии детства пространства выступают контекстом благополучия детей, обусловленного как объективными обстоятельствами (например, социоэкономическим статусом, уровнем преступности и пр.), так и субъективным опытом места [14].

Традиционно распространены сравнительные исследования «окон возможностей» – например, влияния географической изоляции или, напротив, доступа к городской экономической инфраструктуре, внешкольным развивающим формам деятельности на формирование «мягких» навыков, необходимых для самостоятельной жизни по окончании школы [15].

Все большую популярность набирает исследование детской игры, основанное на практике. Игра – не новая тема в географии детства и исследованиях детства. Как отмечает Сюзанн Климент, более 20 статей, опубликованных в журнале «*Children's Geographies*», содержат «игру» в заголовках, а в ещё большем числе публикаций игра рассматривается как неотъемлемая часть жизни детей [16].

Исследуется влияние круга общения родителей по соседству с местом обитания на выбор родителями школы для детей [17]. В число образовательных пространств, помимо собственно школ, входят и музеи. В новой области – музейной географии детства – последовательно продвигается идея отхода от традици-

онного представления о музеях как о площадках, где дети предстают в обучающих и повествующих ролях, в сторону развёрнутого понимания детей как носителей опыта и игры [18].

Взаимодействие детей с пространствами внедряется и в исследования виртуальной реальности в географии детства, в разработку лучших практик производства виртуального контента для детей [19]. В таких исследованиях учитываются аспекты здоровья и безопасности (например, в отношении зрения и осанки), рассматривается взаимодействие детей с контентом и гаджетами.

Среди сравнительно малоизученных территорий географии детства следует упомянуть исследования материальной культуры детства. Игрушечные ландшафты детского жилища всё чаще увязываются с последующей жизненной траекторией человека, с набирающей обороты автоэтнографической методологией. В контексте материальной культуры детства исследовательскими направлениями выступают география детской кровати, география спальни, когда изучаются расположение игрушек, действия игрушек в воображении ребёнка, изменения микромира детского жилища с возрастом и преемственность между миром детства и взрослостью.

Все большее внимание географов детства привлекают промежуточные, или третьи пространства (после школы и дома), как их еще иногда называют. Такие пространства становятся площадкой для формирования детского опыта и проведения самостоятельных (без участия взрослых) экспериментов [20]. Родители рассматривают эти промежуточные пространства с точки зрения их безопасности, как инструмент развития мобильности и независимости детей [21]. Для детей промежуточные пространства двора, детской площадки – территории творческого развития и игры с друзьями, а также точка выхода на дальнейшее освоение мест.

Важной темой, получающей свое развитие на страницах «*Children's Geographies*», выступает пространственная идентичность детей и подростков. На страницах журнала речь идет о противопоставлении «твердого» города статистики и карт «мягкому» городу креативной игры городского образа жизни, искусства, позволяющего горожанам выстраивать город в воображаемой картине мира [22].

Расширяющаяся область исследований эмоционального опыта миграции детей и молодежи являет собой пример развития эмоциональной географии детства. Эмоции рассматриваются как часть знания детей, представляющая эмоциональное понимание детьми и опыт «вживания» в пространства и места. Дети описывают свой эмоциональный опыт, накопленный в различных ситуациях, в ходе выстраивания своей идентичности в определенном пространственном контексте (например, сельская молодежь в городе) [23].

Эмоциональная география руководствуется ключевым отличием мира ребенка – мира «видов, звуков и запахов» – от мира взрослого, покоящегося на рассудке и причинности [24]. Все большее значение для методо-

логии географии детства приобретает преломление собственного детства исследователя в его работе.

В полевых исследованиях детей улицы выявляются пространства, ассоциируемые со страхом, а также пространства, служащие для укрытия. Страх рассматривается как фактор, формирующий повседневный выбор и решения ребенка, направляющий его субъектность [25]. Результаты исследований подобного рода детских нарративов важны для социальной политики и практики. Исследования активного участия детей в конфликтных политических событиях, в частности – вовлечения детей в политическое насилие, фокусируются на последствиях политического конфликта для жизни детей [26]. В ходе таких исследований выявляется, что поддержание хороших отношений с взрослым миром критически важно для ежедневного выживания детей, чья жизнь связана с улицей.

Отдельный массив публикаций журнала посвящён развитию технических характеристик пространства для совершенствования физической среды детства. В таких публикациях проблематизируется вопрос влияния физического и социального окружения на развитие ребенка, реализацию самодостаточного права на игру, не носящего инструментальный характер по отношению к развивающим целям [27].

Инфраструктурные характеристики дружелюбно-го для детей города анализируются в контексте права детей на город. Дети рассматриваются исследователями как соконструкторы городской среды, чьи запросы и потребности должны учитываться наряду с запросами и потребностями взрослых горожан.

Отдельный пласт исследований журнала «Children's Geographies» посвящен отслеживанию изменений во «властных» отношениях, т.е. соотношению сил между детьми, их сверстниками и взрослыми. Предметом таких исследований становятся статус и позиционирование детей в контексте их жизненного опыта, а также концептуализация самого понятия «ребенок».

В традиционной парадигме дети воплощают собой социальный, культурный и политический конструкт (т.е. зависимые, более молодые члены семьи, не взрослые). К ним выдвигаются требования, как им следует вести себя в той или иной социальной ситуации, какие отношения у них должны быть с взрослыми, сверстниками и сообществом, какие правовые и культурные ограничения на них налагаются.

В новой, получающей распространение научной парадигме (так называемой новой социологии детства) дети воспринимаются как активные агенты-творцы, наделенные сознанием, голосом и действием в контексте пространства. В качестве социальных конструктов воспринимаются школьные и прочие площадки, а также активная игра [28]. Такое понимание субъектности детей дает начало разнообразным направлениям исследований. Так, гендерные аспекты порождают такие предметы исследований, как восприятие детьми гендерной специфики пространств, опыт исключения девочек из пространств активной игры, перспектива пространственного и социального выражения пола. Открытость институтов к субъект-

ности детей получила название пространственной справедливости [29].

Важным объектом исследований остается социальная изоляция детства. К примеру, изучается, каким образом глубокие и сохраняющиеся следы продолжительной истории изоляции присутствуют в распространенном восприятии школы. В постколониальном контексте изучаются подчиненная фигура ребенка, препятствия к получению образования у детей маргинальных групп [30]. Субъектность ребенка исследуется в контексте давления семьи и государства в целях повышения успеваемости, а также стремления учащихся к самореализации и автономии. Предметом таких исследований становится опыт учащихся.

Проблематика детской субъектности неразрывно связана с опытом реализации прав ребенка. Изучается, какие переменные позволяют детям артикулировать цели публичной политики, критику условий, практики и относительных аспектов опыта, ограничивающих их благосостояние в тех или иных пространствах. Предметом исследования становится «голос» ребенка: самостоятельное выявление им структурного отказа в реализации его прав, определение необходимых условий и требований соблюдения своих формальных прав. Исследованиями установлено, что даже маленькие дети распознают отдельные пункты дебатов, чувствуют обсуждение важных для них вопросов и обращаются к ним [31].

Субъектность ребенка может принимать формы участия, самостоятельной мобильности, игровой субъектности (play agency), активности, свободного самовыражения, заботы, сопротивления и т.п. Публикации журнала посвящены разбору бинарного противопоставления ребенка и взрослого, анализу детоцентричности и ориентированности на детей различных мест.

В современных исследованиях географии детства видное место занимает обсуждение взаимосвязи субъектности и социализации. Дети рождаются с врожденной способностью принимать решения, независимо действовать и производить эффекты в окружающем мире. Приобретение и развитие ими различных техник проявления субъектности зависит от социализации.

Субъектность ребенка влияет на фокус исследований, заставляя их смещаться в сторону соучаствующих методов, вовлечения ребенка в процессы производства знаний [32]. Так, Фило призывает смотреть на мир глазами детей, чтобы понять, что они говорят нам о социальных изменениях, в которые они неизбежно встраиваются [24].

Новые приоритеты исследований географии детства обусловлены растущей численностью детей и молодежи в Южном полушарии, особенно в Африке. Вызовы, с которыми сталкивается молодое население различных регионов, обуславливают потребность в «деколонизации мышления» в области географии детства с учетом экономических, социальных и политических контекстов. Особенно перспективными признаются теоретические изыскания и практические итоги исследований детства с привлечением примеров из самых разнообразных регионов. Ввиду прогнозов ООН, согласно которым Африка является един-

ственным континентом, на котором численность молодежи будет стабильно увеличиваться в течение нескольких десятилетий, ожидается, что африканские перспективы станут господствующими и привнесут опыт крайней бедности, неравенства, неизвестности и опасности в качестве основных, а не маргинальных тем исследований детства [33].

Джон Хортон, Питер Крафтл и Файв Такер, размышляя об итогах конференции «New Directions in Children's Geographies» (Великобритания, 2006 г.), озвучивают новые вызовы, которые возникают перед географией детства: 1) вызов более широким современным течениям и областям исследований, таким как география человека и новые социальные исследования детства; 2) совершенствование способов, посредством которых «детские географы» выходят на более широкие области теории и практики, мейнстрим академической географии [34].

Тисдол и Панч призывают географию детства не ограничиваться строго предметными рамками, а придерживаться «всестороннего глобального подхода к детским географиям, основанного на междисциплинарной интеграции и всеобщем диалоге» [35]. В этом направлении развивается макрогеография детского благополучия, базирующаяся на докладах мировых сообществ, в частности докладах ЮНИСЕФ. В отдельных случаях география детского благополучия трансформируется в географию детского выживания или географию детской смертности.

Миллеи и Раутио, обращаясь к микроуровню географии детства, говорят о важности «замедления детских исследований» с помощью методологических и теоретических приемов для признания кажущихся тривиальными деталей детской повседневности [36].

В то же время можно констатировать необходимость расширения возрастных границ детей – участников исследований, более активного вовлечения детей дошкольного и младшего школьного возраста. Макнами и Сеймур, проанализировав 320 публикаций

по итогам эмпирических исследований между 1993 и 2010 гг. в трех ведущих журналах по детству («Children and Society», «Childhood» и «Children's Geographies»), пришли к выводу, что исследователи часто берут за основу одну и ту же возрастную группу – детей в возрасте 10–12 лет [37].

Подытоживая настоящий обзор, отметим, что география детства развивается в двух направлениях – «вширь», в направлении междисциплинарности и межконтинентальности, и «вглубь», в направлении детской повседневности, ежедневного опыта взаимодействия детей и пространств. Общим для всех вышеобозначенных направлений исследований является пространственное обоснование агентности детства, акцент на субъектности ребенка во множестве ее проявлений. При этом разное по силе и направленности влияние оказывают институциональные пространства детства (школа, культурно-досуговые учреждения), дом и «третьи» места детства. Последние часто становятся «детскими местами» в отличие от «мест для детей», специально создаваемых взрослыми, и дают больше возможностей для формирования субъективного опыта места, становления пространственной идентичности ребенка. Что же касается институциональных мест, то они часто продуцируют межпоколенные разрывы, поскольку воспроизводят взрослый взгляд на «места для детей».

Продвижению темы детской субъектности в географии детства способствует политическая повестка международного сообщества (принятие Конвенции ООН «О правах ребенка», инициатива ЮНИСЕФ «Child Friendly Cities»), с одной стороны, а, с другой – развитие новой социологии детства. Все это порождает тренды соучаствующих исследований с детьми, в том числе разработку соответствующих методов, изучения политической агентности детства, вовлечения детей в процесс принятия решений, в особенности в сфере экологии. Дети предстают как эксперты опыта, носители специфических практик и знания.

Список источников

1. Rasmussen K. Places for children – children's places // *Childhood*. 2004. Vol. 11 (2). P. 155–173. doi: 10.1177/0907568204043053
2. Skelton T. Youthful geographies: from Cool Places to hyper-dynamic Asia // *Children's Geographies*. 2018. Vol. 17 (1). P. 24–27. doi: 10.1080/14733285.2018.1535696
3. Hart R. *Children's Experience of Place: A Developmental Study*. New York : Irvington Publishers, 1979. 518 p.
4. Bunge W. The point of reproduction: a second front // *Antipode*. 1975. № 9. P. 60–76. doi: 10.1111/j.1467-8330.1977.tb00711.x
5. Bunge W. The geography // *The Professional Geographer*. 1973. Vol. 25 (4). P. 331–337. doi: 10.1111/j.0033-0124.1973.00331.x
6. Blaut J., McCleary G., Blaut A. Environmental mapping in young children // *Environment and Behaviour*. 1970. № 23. P. 335–349.
7. Matthews H. Making Sense of Place: Children's Understandings of Large-scale Environments // Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf. 1992. P. 193–195. doi: 10.1002/edp.2430020307
8. James S. Is There a 'Place' for Children in Geography? // *Area*. 1990. № 3. P. 278–283.
9. Katz C. Children and the Environment: Work, Play and Learning in Rural Sudan // *Children's Environments Quarterly*. 1986. Vol. 3 (4). P. 43–51.
10. Katz C. Playing the Field: Questions of Fieldwork in Geography // *The Professional Geographer*. 1994. Vol. 46 (1). P. 67–72. doi: 10.1111/j.0033-0124.1994.00067.x
11. James A., Prout A. *Constructing and Reconstructing Childhood*. London : Routledge, 2015. 246 p. doi: 10.4324/9781315745008
12. James A., Jenks C., Prout A. *Theorizing Childhood*. New York : Teacher's College Press, 1998. 256 p.
13. Skelton T. *Children, Young People, UNICEF and Participation* // *Global Childhoods : Globalization, Development and Young People*. New York : Routledge, 2009. P. 165–181. doi: 10.1080/14733280601108338
14. Murnaghan A.M.F., Shillington L.J. (eds) *Children, nature, cities*. London : Routledge, 2016. 224 p.
15. Skattebol J., Redmond G. Troubled kids? Locational disadvantage, opportunity structures and social exclusion // *Children's Geographies*. 2019. Vol. 17 (1). P. 76–89. doi: 10.1080/14733285.2018.1487031
16. Clement S. Practice-based research in children's play // *Children's Geographies*. 2018. Vol. 16 (6). P. 666–667. doi: 10.1080/14733285.2017.1409424
17. Kosunen S., Rivière C. Alone or together in the neighbourhood? School choice and families' access to local social networks // *Children's Geographies*. 2018. Vol. 16 (2). P. 143–155. doi: 10.1080/14733285.2017.1334114

18. Hackett A., Holmes R., MacRae C., Procter L. Young children's museum geographies: spatial, material and bodily ways of knowing // *Children's Geographies*. 2018. Vol. 16 (5). P. 481–488. doi: 10.1080/14733285.2018.1497141
19. Yamada-Rice D. Licking planets and stomping on buildings: children's interactions with curated spaces in virtual reality // *Children's Geographies*. 2018. Vol. 16 (5). P. 529–538. doi: 10.1080/14733285.2018.1495316
20. Clayton E., Shuttleworth J. Spaces In-between // *Children's Geographies*. 2018. Vol. 16 (5). P. 539–542. doi: 10.1080/14733285.2018.1458213
21. Furneaux A., Manaugh K. Eyes on the alley: children's appropriation of alley space in Riverdale, Toronto // *Children's Geographies*. 2019. Vol. 17 (2). P. 204–216. doi: 10.1080/14733285.2018.1482409
22. Monk J. Mapping the soft city: using cognitive mapping to respond to London-based literature and explore the construction of teenage place-related identity // *Children's Geographies*. 2019. Vol. 17 (2). P. 162–176. doi: 10.1080/14733285.2018.1471448
23. Chakraborty K., Thambiah S. Children and young people's emotions of migration across Asia // *Children's Geographies*. 2018. Vol. 16 (6). P. 583–590. doi: 10.1080/14733285.2018.1503231
24. Philo C. Childhood is measured out by sounds and sights and smells, before the dark of reason grows: children's geographies at 12 // *Children's Geographies*. 2016. Vol. 14 (6). P. 623–640. doi: 10.1080/14733285.2016.1187896
25. Malcomson T., Bradford S. Fearsome people and places, narratives of street and hideout children in Freetown, Sierra Leone // *Children's Geographies*. 2018. Vol. 16 (3). P. 333–345. doi: 10.1080/14733285.2017.1380168
26. Rahman R., Samadder Z.R., Khan I.I., Chowdhury T.R. Involvement of street children in the political violence of Bangladesh // *Children's Geographies*. 2018. Vol. 16 (3). P. 292–303. doi: 10.1080/14733285.2018.1434131
27. Sullu B. Geographies of children's play in the context of neoliberal restructuring in Istanbul // *Children's Geographies*. 2018. Vol. 16 (2). P. 169–183. doi: 10.1080/14733285.2017.1341972
28. Spark C., Porter L., de Kleyn L. 'We're not very good at soccer': gender, space and competence in a Victorian primary school // *Children's Geographies*. 2019. Vol. 17 (2). P. 190–203. doi: 10.1080/14733285.2018.1479513
29. Satta C.A. Proper Place for a Proper Childhood? Children's Spatiality in a Play Centre. Children's spatialities: embodiment, emotion and agency / ed. by A. Hackett, L. Procter, J. Seymour. Hampshire ; New York : Palgrave Macmillan UK, 2015. P. 178–197. doi: 10.1057/9781137464989_11
30. Balagopalan S. 'Afterschool and during vacations': on labor and schooling in the postcolony // *Children's Geographies*. 2019. Vol. 17 (2). P. 231–245. doi: 10.1080/14733285.2018.1490008
31. Maciejewska-Mroczek E., Radkowska-Walkowicz M. Do 'in vitro children' exist? The 'ontological choreography' between public debates and private experiences in Poland // *Children's Geographies*. 2019. Vol. 17 (1). P. 36–48. doi: 10.1080/14733285.2017.1380781
32. Porter G., Townsend J., Hampshire K. Children and young people as producers of knowledge // *Children's Geographies*. 2012. Vol. 10 (2). P. 131–134. doi: 10.1080/14733285.2012.667915
33. van Blerk L. Where in the world are youth geographies going? Reflections on the journey and directions for the future // *Children's Geographies*. 2019. Vol. 17 (1). P. 32–35. doi: 10.1080/14733285.2018.1535695
34. Horton J., Kraftl P., Tucker F. The challenges of 'Children's Geographies': a reaffirmation // *Children's Geographies*. 2008. Vol. 6 (4). P. 335–348. doi: 10.1080/14733280802338049
35. Tisdall E. K. M., Punch S. Not so 'New'? Looking Critically at Childhood Studies // *Children's Geographies*. 2012. Vol. 10 (3). P. 249–264. doi: 10.1080/14733285.2012.693376
36. Millett Z., Rautio P. 'Overspills' of Research with Children: an Argument for Slow Research // *Children's Geographies*. 2017. Vol. 15 (4). P. 466–477. doi: 10.1080/14733285.2016.1277182
37. McNamee S., Seymour J. Towards a Sociology of 10–12 Year Olds? Emerging Methodological Issues in the 'new' Social Studies of Childhood // *Childhood*. 2013. Vol. 20 (2). P. 156–168. doi: 10.1177/0907568212461037

References

1. Rasmussen, K. (2004) Places for children – children's places. *Childhood*. 11 (2). pp. 155–173. DOI: 10.1177/0907568204043053
2. Skelton, T. (2018) Youthful geographies: from Cool Places to hyper-dynamic Asia. *Children's Geographies*. 17 (1). pp. 24–27. DOI: 10.1080/14733285.2018.1535696.
3. Hart, R. (1979) *Children's Experience of Place: A Developmental Study*. New York: Irvington Publishers.
4. Bunge, W. (1975) The point of reproduction: a second front. *Antipode*. 9. pp. 60–76. DOI: 10.1111/j.1467-8330.1977.tb00711.x
5. Bunge, W. (1973) The geography. *The Professional Geographer*. 25 (4). pp. 331–337. DOI: 10.1111/j.0033-0124.1973.00331.x
6. Blaut, J., McCleary, G. & Blaut, A. (1970) Environmental mapping in young children. *Environment and Behaviour*. 23. pp. 335–349.
7. Matthews, H. (1992) *Making Sense of Place: Children's Understandings of Large-scale Environments*. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf. pp. 193–195. DOI: 10.1002/edp.2430020307
8. James, S. (1990) Is There a 'Place' for Children in Geography? *Area*. 3. pp. 278–283.
9. Katz, C. (1986) Children and the Environment: Work, Play and Learning in Rural Sudan. *Children's Environments Quarterly*. 3 (4). pp. 43–51.
10. Katz, C. (1994) Playing the Field: Questions of Fieldwork in Geography. *The Professional Geographer*. 46 (1). pp. 67–72. DOI: 10.1111/j.0033-0124.1994.00067.x
11. James, A. & Prout, A. (2015) *Constructing and Reconstructing Childhood*. 3rd edition. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781315745008
12. James, A., Jenks, C. & Prout, A. (1998) *Theorizing Childhood*. New York: Teacher's College Press.
13. Skelton, T. (2009) *Children, Young People, UNICEF and Participation*. *Global Childhoods: Globalization, Development and Young People*. New York: Routledge. pp. 165–181. DOI: 10.1080/14733280601108338
14. Murnaghan, A.M.F. & Shillington, L.J. (eds) (2016) *Children, nature, cities*. London: Routledge.
15. Skattebol, J. & Redmond, G. (2019) Troubled kids? Locational disadvantage, opportunity structures and social exclusion. *Children's Geographies*. 17 (1). pp. 76–89. DOI: 10.1080/14733285.2018.1487031
16. Clement, S. (2018) Practice-based research in children's play. *Children's Geographies*. 16 (6). pp. 666–667. DOI: 10.1080/14733285.2017.1409424
17. Kosunen, S. & Rivière, C. (2018) Alone or together in the neighbourhood? School choice and families' access to local social networks. *Children's Geographies*. 16 (2). pp. 143–155. DOI: 10.1080/14733285.2017.1334114
18. Hackett, A., Holmes, R., MacRae, C. & Procter, L. (2018) Young children's museum geographies: spatial, material and bodily ways of knowing. *Children's Geographies*. 16 (5). pp. 481–488. DOI: 10.1080/14733285.2018.1497141
19. Yamada-Rice, D. (2018) Licking planets and stomping on buildings: children's interactions with curated spaces in virtual reality. *Children's Geographies*. 16 (5). pp. 529–538. DOI: 10.1080/14733285.2018.1495316
20. Clayton, E. & Shuttleworth, J. (2018) Spaces In-between. *Children's Geographies*. 16 (5). pp. 539–542. DOI: 10.1080/14733285.2018.1458213
21. Furneaux, A. & Manaugh, K. (2019) Eyes on the alley: children's appropriation of alley space in Riverdale, Toronto. *Children's Geographies*. 17 (2). pp. 204–216. DOI: 10.1080/14733285.2018.1482409
22. Monk, J. (2019) Mapping the soft city: using cognitive mapping to respond to London-based literature and explore the construction of teenage place-related identity. *Children's Geographies*. 17 (2). pp. 162–176. DOI: 10.1080/14733285.2018.1471448
23. Chakraborty, K. & Thambiah, S. (2018) Children and young people's emotions of migration across Asia. *Children's Geographies*. 16 (6). pp.

- 583–590. DOI: 10.1080/14733285.2018.1503231
24. Philo, C. (2016) Childhood is measured out by sounds and sights and smells, before the dark of reason grows: children's geographies at 12. *Children's Geographies*. 14 (6). pp. 623–640. DOI: 10.1080/14733285.2016.1187896
 25. Malcomson, T. & Bradford, S. (2018) Fearsome people and places, narratives of street and hideout children in Freetown, Sierra Leone. *Children's Geographies*. 16 (3). pp. 333–345. DOI: 10.1080/14733285.2017.1380168
 26. Rahman, R., Samadder, Z.R., Khan, I.I. & Chowdhury, T.R. (2018) Involvement of street children in the political violence of Bangladesh. *Children's Geographies*. 16(3). pp. 292–303. DOI: 10.1080/14733285.2018.1434131
 27. Sullu, B. (2018) Geographies of children's play in the context of neoliberal restructuring in Istanbul. *Children's Geographies*. 16 (2). pp. 169–183. DOI: 10.1080/14733285.2017.1341972
 28. Spark, C., Porter, L. & de Kleyn, L. (2019) 'We're not very good at soccer': gender, space and competence in a Victorian primary school. *Children's Geographies*. 17(2). pp. 190–203. DOI: 10.1080/14733285.2018.1479513
 29. Satta, C. (2015) *A Proper Place for a Proper Childhood? Children's Spatiality in a Play Centre. Children's spatialities: embodiment, emotion and agency*. Ed. by A. Hackett, L. Procter, J. Seymour. Hampshire, New York: Palgrave Macmillan UK. pp. 178–197. DOI: 10.1057/9781137464989_11
 30. Balagopalan, S. (2019) 'Afterschool and during vacations': on labor and schooling in the postcolony. *Children's Geographies*. 17 (2). pp. 231–245. DOI: 10.1080/14733285.2018.1490008
 31. Maciejewska-Mroczek, E. & Radkowska-Walkowicz, M. (2019) Do 'in vitro children' exist? The 'ontological choreography' between public debates and private experiences in Poland. *Children's Geographies*. 17 (1). pp. 36–48. DOI: 10.1080/14733285.2017.1380781
 32. Porter, G., Townsends, J. & Hampshire, K. (2012) Children and young people as producers of knowledge. *Children's Geographies*. 10 (2). pp. 131–134. DOI: 10.1080/14733285.2012.667915
 33. van Blerk, L. (2019) Where in the world are youth geographies going? Reflections on the journey and directions for the future. *Children's Geographies*. 17 (1). pp. 32–35. DOI: 10.1080/14733285.2018.1535695
 34. Horton, J., Kraftl, P. & Tucker, F. (2008) The challenges of 'Children's Geographies': a reaffirmation. *Children's Geographies*. 6 (4). pp. 335–348. DOI: 10.1080/14733280802338049
 35. Tisdall, E.K.M. & Punch, S. (2012) Not so 'New'? Looking Critically at Childhood Studies. *Children's Geographies*. 10 (3). pp. 49–264. DOI: 10.1080/14733285.2012.693376
 36. Millei, Z. & Rautio, P. (2017) 'Overspills' of Research with Children: an Argument for Slow Research. *Children's Geographies*. 15 (4). pp. 466–477. DOI: 10.1080/14733285.2016.1277182
 37. McNamee, S. & Seymour, J. (2013) Towards a Sociology of 10–12 Year Olds? Emerging Methodological Issues in the 'new' Social Studies of Childhood. *Childhood*. 20 (2). pp. 156–168. DOI: 10.1177/0907568212461037

Информация об авторах:

Филипова А.Г. – д-р социол. наук, профессор департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия); руководитель лаборатории комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (Владивосток, Россия). E-mail: alexandra.filipova77@gmail.com
Толвайшис Л. – канд. полит. наук, доцент Института физической культуры, спорта и молодежной политики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); профессор факультета дипломатии и безопасности Частного университета “Унион – Никола Тесла” (Белград, Сербия). E-mail: ltolvaihis@urfu.ru
Ракитина Н.Э. – канд. социол. наук, доцент кафедры публичного и частного права Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Комсомольск-на-Амуре, Россия). E-mail: rakitina.nat@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.G. Filipova, Dr. Sci. (Sociology), professor, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation); head of the Complex Research Laboratory for Study of Childhood, Vladivostok State University of Economics and Service (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: alexandra.filipova77@gmail.com
L. Tolvaihis, Cand. Sci. (Political Science), associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ykaterinburg, Russian Federation); professor, Union Nikola Tesla University (Belgrade, Serbia). E-mail: ltolvaihis@urfu.ru
N.E. Rakitina, Cand. Sci. (Sociology), associate professor, Komsomolsk-na-Amur State University (Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation). E-mail: rakitina.nat@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.02.2021;
 одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 14.02.2021;
 approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 28.02.2022.